

MMG H
FF
110

А. А. Кизеветтеръ.

77^a4
110

см.

ДЕНЬ ЦАРЯ

Алексъя Михайловича

(Сцены изъ жизни Москвы XVII-го вѣка).

МОСКВА—1904.

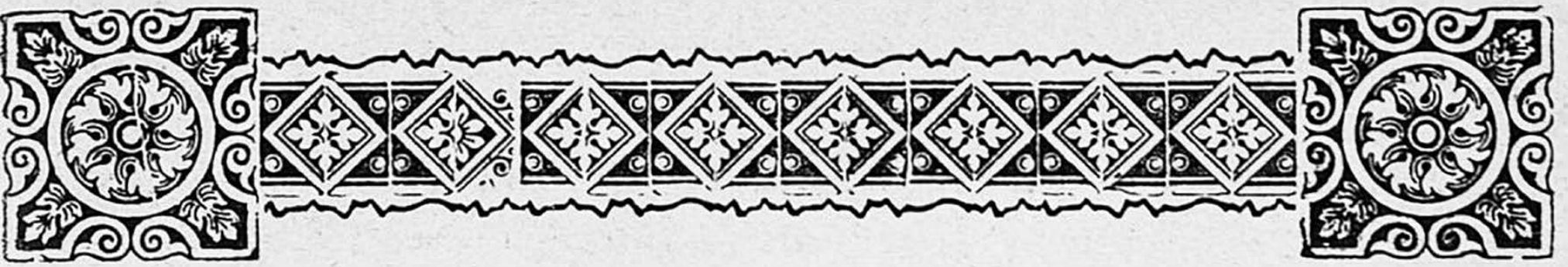
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,

АРЕНД. В. И. ВОРОНОВЫМЪ.

Моховая, прот. манежа, д. кн. Гагарина.

Дозволено цензурою. Москва, 6 октября 1904 г.

Библ.
18675
3 - VIII 1930

День царя Алексѣя Михайловича.

(Сцены изъ жизни Москвы XVII-го вѣка *).

Лѣтъ двѣсти тому назадъ, на Москвѣ царствовалъ царь Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго. Замѣчательное время переживала тогда Русская земля. Русскіе люди крѣпко сохраняли еще въ своей жизни многіе старыя порядки и обычаи, но они начинали уже понимать, что нельзя все жить только по одной старинѣ, что необходимо многому поучиться у другихъ болѣе образованныхъ народовъ, перенять у нихъ для себя все то, что можетъ быть употреблено съ надлежащей пользой. Такъ думали тогда уже многіе русскіе люди, думалъ такъ и самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Эту думу онъ проявлялъ и въ своей жизни. Сейчасъ я и хочу рассказать вамъ, какъ обыкновенно проводилъ онъ свой день съ утра и до самой ночи.

4 часа утра. Надъ Москвой чуть-чуть забрезжили первые признаки разсвѣта, городъ уже просыпается. Отпи-

*) Составлено по И. Забѣлину „Домашній бытъ русскихъ царей“, Олеарию „Описаніе путешествія Голштинскаго посольства“ и Котошихину „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“.

раются лавки. Рыночная площадь передъ Кремлевской стѣной—теперешняя Красная площадь—наполняется шумной, пестрой толпой. Тутъ—торговцы, торговки, холопы празднующіеся: «гулящіе» или „вольные“ люди. Вся площадь заставлена вытянутыми въ ряды лавками, а въ

Царь Алексѣй Михайловичъ.

сторонѣ между Василиемъ Блаженнымъ и Кремлевской стѣной—особое отдѣленіе для брадобреевъ и цирюльниковъ. Сюда ходили тогдашніе московскіе франты стричься и бриться подъ открытомъ небомъ. Эта площадка постоянно была устлана въ то время такимъ толстымъ слоемъ обстриженнаго волоса, что по немъ такъ же мягко было ступать, какъ по подушкѣ.

Къ 4-мъ часамъ утра вся площадь уже въ полномъ движеніи. Шумъ стоитъ невообразимый. Особенно отличается по части шума и суеты женскій полъ. Лишь только, — говоритъ очевидецъ, — соберутся москвитянки на площадь съ своими полотнами, нитками и кольцами, онѣ тотчасъ подымаютъ такіе пронзительные крики, что непривычный человѣкъ можетъ подумать, не горитъ ли городъ.

Время отъ времени толпа разступается, чтобы пропустить боярскій поѣздъ. Въ тяжелыхъ колымагахъ, запряженныхъ гуськомъ и окруженныхъ боярскими холопами, собираются бояре во дворецъ на утренній поклонъ государю. Колымаги съ грохотомъ трясутся по большимъ круглымъ бревнамъ, которыми тогда были вымощены московскія площади и улицы. Приѣзжимъ иностранцамъ, наблюдавшимъ московскую жизнь, очень забавно было смотрѣть, какъ важные и дородные бояре, въ широкихъ кафтанахъ и мѣховыхъ шапкахъ, похожихъ на большіе пасхальные куличи, торжественно подпрыгивали на сидѣньѣ отъ постоянныхъ толчковъ бревенчатой мостовой.

Въ это время начиналась дневная жизнь и въ царскихъ хоромахъ. Царь Алексѣй Михайловичъ вставалъ въ 4 часа утра. Постельничій и спальникъ убирали государя, т. е. помогали ему одѣваться. Умывшись, царь тотчасъ же выходилъ въ Крестовую палату, гдѣ его ждалъ крестовый попъ и крестовые дьячки. Крестовая палата, это — молельня съ высокимъ иконостасомъ, уставленнымъ иконами. Къ приходу царя весь иконостасъ сіяетъ отъ множества восковыхъ зеленыхъ и красныхъ свѣчей. Царь становится передъ аналоемъ, и, надѣвъ большіе очки въ золотой оправѣ, совершаетъ молитвенное правило. Духовникъ окропляетъ царя св. водой, которая свозилась для этого во дворецъ изъ разныхъ церквей и монастырей, иногда очень отдаленныхъ, гдѣ были прославленные чудотворныя иконы.

Пока царь, окончивъ молитвы, прикладывается къ иконамъ, «ближній человѣкъ» идетъ въ хоромы къ царицѣ спросить ее отъ имени царя «о здоровьѣ», хорошо ли она почивала. ~~Х~~ Затѣмъ самъ царь выходитъ здороваться съ царицей, и они вмѣстѣ отправляются въ домашнюю дворцовую церковь слушать заутреню. — Между тѣмъ въ Передней палатѣ уже давно, съ ранняго утра, толпятся въ ожиданіи царскаго выхода бояре, окольнічьи, думные дворяне и ближніе люди—въ длинныхъ до пять кафтаныхъ, голубо-фіолетоваго, темно-коричневаго и темно-зеленаго сукна съ широкими откинутыми назадъ воротниками, унизанными золотомъ и жемчугомъ. Длиннѣйшіе рукава этихъ кафтановъ во множествѣ складокъ ниспадали до самаго пола, такъ что боярину не разъ стоило большого труда высвободить изъ-подъ рукава свои руки. На боярахъ надѣты мѣховыя шапки вышиною въ $\frac{3}{4}$ аршина изъ черной лисицы или соболя съ небольшою мѣховою опушкой. Нѣкоторые бояре держатъ въ рукахъ куличи. Это—бояре-именинники, всегда привѣтствующіе царя на утреннемъ выходѣ такимъ подношеніемъ. Но вотъ растворяются двери внутреннихъ покоевъ и предъ боярами являются, какъ говорили тогда, «пресвѣтлыя государевы очи». Вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, мгновенно падаетъ ницъ. Это называется «бить челомъ государю». Такова была обычная форма привѣтствія государю. Нѣкоторые бояре такимъ же челобитьемъ благодарятъ при этомъ царя за оказанныя имъ царемъ особенныя милости, стараясь превзойти другъ друга въ усердіи поклоновъ. Извѣстенъ случай, когда бояринъ кн. Трубецкой, обрадованный царскою милостью, назначеніемъ главнымъ предводителемъ русскаго войска, выступившаго въ Польскій походъ, поклонился государю въ землю подъ рядъ 30 разъ.

Сопровождаемый боярами, царь шествовалъ въ соборъ

въ поздней обѣднѣ, продолжавшейся два часа. Иностран-
ные наблюдатели съ изумленіемъ передають о молитвен-
ныхъ подвигахъ Алексѣя Михайловича: онъ выстаивалъ

Рынды— царскіе тѣлохранители.

въ церкви часовъ по 5, по 6 сряду и клалъ по тысячѣ
земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники и по полу-
торы тысячи. Выходъ царя въ церковь къ поздней обѣднѣ,

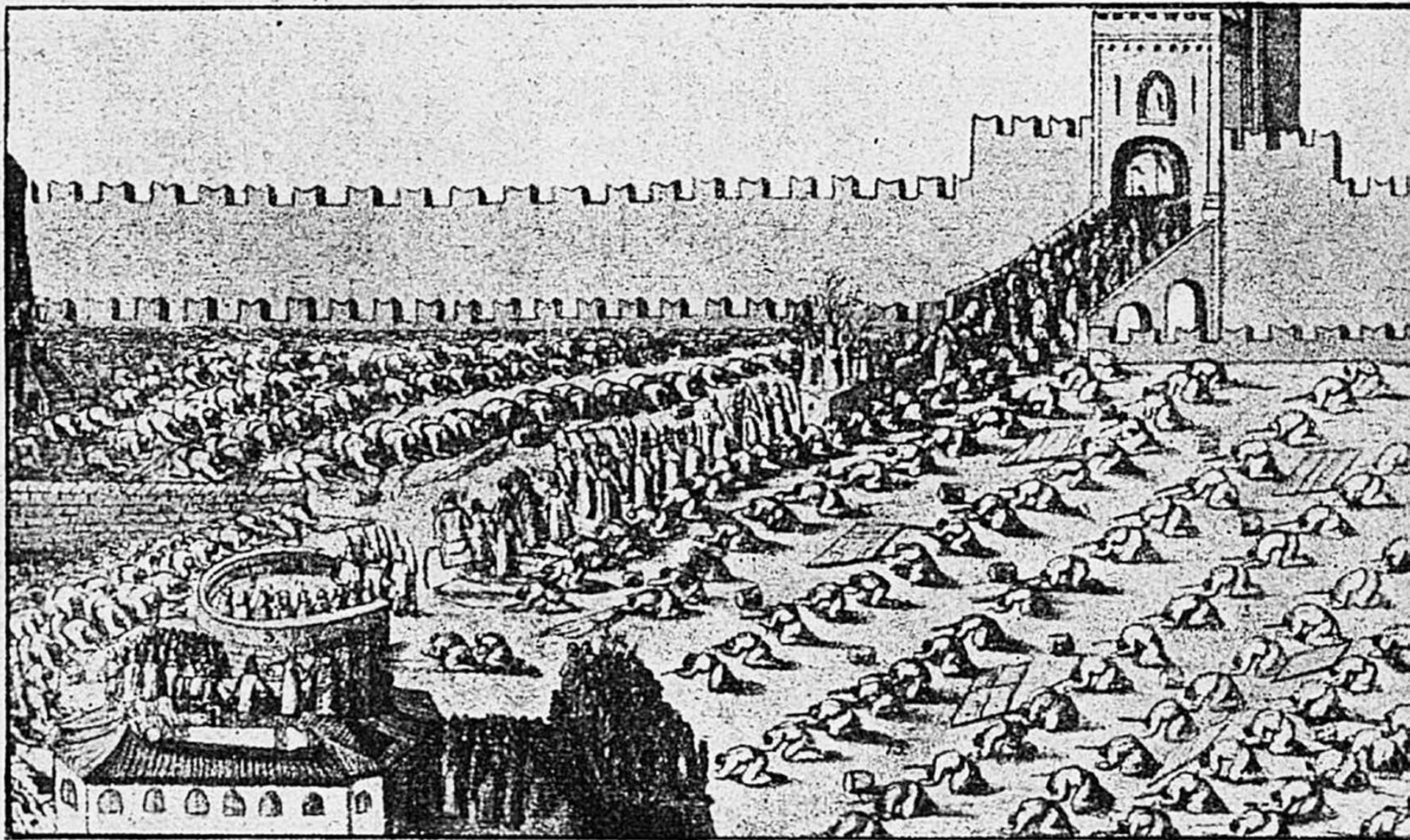
это — одна изъ самыхъ важныхъ минутъ ежедневной царской жизни. Бояре окончили свои челобитья и всѣ гурьбой вслѣдъ за царемъ выходятъ на дворцовое крыльцо. Отъ крыльца до кремлевскихъ соборовъ растягивается цѣлое шествіе. Воздухъ наполненъ звономъ: гудятъ кремлевскіе колокола. Царь подвигается обыкновенно пѣшкомъ, иногда въ каретѣ. Зимой — въ саняхъ. Это были большія нарядныя сани, раззолоченныя, расписанныя красками, обитыя персидскими коврами. Одѣяніе государя при этихъ выходахъ было различно, смотря по времени года и значенію дня. Лѣтомъ онъ шелъ въ легкомъ шелковомъ опашнѣ и золотной шапкѣ съ мѣховымъ околкомъ. Зимой — въ шубѣ и горлатной лисьей шапкѣ. Въ двенадцатые праздники государь облакался въ нарядъ царскій: онъ выходилъ въ порфирѣ, царскомъ становомъ кафтанѣ, коронѣ, бармахъ и съ царскимъ жезломъ въ рукахъ. Все это блистало золотомъ, серебромъ, дорогими каменьями. Самые башмаки, которые въ это время надѣвалъ государь, богато были вынизаны жемчугомъ. Это былъ очень тяжелый нарядъ, и вотъ почему въ подобныхъ церемоніяхъ государя всегда поддерживали подъ руки стольники, а иногда и бояре. Окружая царя, шагаютъ *рынды* — царскіе тѣлохранители изъ сыновей знатнѣйшихъ бояръ, въ ослѣпительно сверкающемъ нарядѣ, всѣ въ бѣломъ: въ длинныхъ, подбитыхъ горностаями кафтанахъ изъ серебряной ткани, съ серебряными пуговицами до самыхъ ногъ, въ бѣлыхъ же сапогахъ съ подковами, въ бѣлыхъ бархатныхъ шапкахъ, усыпанныхъ жемчугомъ. Каждый изъ нихъ несетъ на плечѣ большой топоръ, блестящій на солнцѣ серебромъ и золотомъ. Шествіе замыкается отрядомъ *жилцовъ*, т. е. отборной дворянской гвардіи. Жильцы тоже блистаютъ яркими нарядными кафтанами. У каждаго къ плечамъ придѣлана для украшенія пара золоченыхъ крыльевъ. Мед-

нно и чинно подвигается шествіе среди густой толпы любопытствующаго народа.

Не всегда эти царскіе выходы совершались въ одномъ томъ же порядкѣ. Въ нѣкоторые большіе праздники съими соединяли особыя торжественныя церемоніи, такъ зываемыя «дѣйства», въ которыхъ изображались въ лихъ различныя событія изъ священной исторіи. Такъ, примѣръ, въ срединѣ декабря совершалось „Пещное дѣйство“ въ воспоминаніе сожженія трехъ отроковъ въ огненной печи, при чемъ печь изображалъ огромный рѣшетчатый фонарь, въ глубинѣ котораго помѣщался горнъ съ горящими угольями. Въ фонарь входили три отрока въ то бы халдейскихъ костюмахъ изъ краснаго сукна. Пророчья конъ кликалъ ихъ съ амвона громовымъ басомъ, а они отвѣчали ему изъ глубины фонаря жалобнымъ пѣніемъ. Сверху съ трескомъ и шумомъ спускалось въ фонарь вышанное изображеніе ангела, и спасенные отроки, выйдя изъ фонаря, славословили патріарха. Самое красивое и любопытное «дѣйство» совершалось въ Вербное воскресенье. То было такъ называемое «Хожденіе на осляти»: процессія, воспроизводившая Господень входъ въ Іерусалимъ. Изъ дворца до Василія Блаженнаго по площади устанавливали аллею по обѣ стороны зеленыя кадки съ воткнутыми въ нихъ вербами. Послѣ ранней обѣдни царь въ походной одеждѣ, сопровождаемый патріархомъ, всѣмъ многочисленнымъ духовенствомъ и боярами, шествовалъ по вербой аллеѣ къ Покровскому собору (т. е. къ церкви Василія Блаженнаго) и слушалъ тамъ позднюю обѣдню. Въ то время массы народа любовались на изукрашенное обное мѣсто, покрытое бархатомъ и сукнами.

Посрединѣ Лобнаго мѣста ставился аналой съ Евангеліемъ, а рядомъ съ Лобнымъ мѣстомъ помѣщалась приго-вленная для процессіи „осля“, въ бѣлой суконной по-

понѣ, закрывавшей также и голову, и нарядная верба утвержденная на особыхъ изукрашенныхъ дрогахъ и убранный подобно тому, какъ теперь убираются на Рождество елки, на вѣтвяхъ дерева навѣшивались разные сласти—изюмъ, винныя ягоды, орѣхи, яблоки, прикрѣплялись искусственные цвѣты, разные блески и звѣзды изъ мѣди, шумихи.—Послѣ обѣдни государь, патріархъ

Процессія съ вербой передъ колѣнопреклоненнымъ народомъ на Красной площади.

духовенство выходили на Лобное мѣсто, протодьяконъ читалъ Евангеліе и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ патріархъ, взявъ въ одну руку Евангеліе, въ другую крестъ, благословлялъ государя. Потомъ, патріархъ садился на осла, царь бралъ въ руки конецъ повода, и вся процессія, предшествуемая нарядной вербой, медленно двигалась обратно ко дворцу. Тогда народъ падалъ на колѣни, и вся площадь затихала въ торжественномъ молчаніи. Мальчикъ

ть 12, въ бѣлыхъ одеждахъ, числомъ иногда до тысячи брасывали по пути процессіи красныя сукна и восклицали: «осанна!»

Въ обыкновенные будничные дни царь, вернувшись отъ аудиенции, шелъ во внутренніе дворцовые покои и до обѣда

Хожденіе на осляти.

«идѣлъ съ бояры» т. е. рассматривалъ и рѣшалъ съ боярами разные государственныя дѣла.

Убранство внутреннихъ покоевъ дворца Алексѣя Михайловича живо отражало на себѣ начавшійся переходъ отъ прежней старинной жизни къ перенимаемымъ у иноземцевъ но-

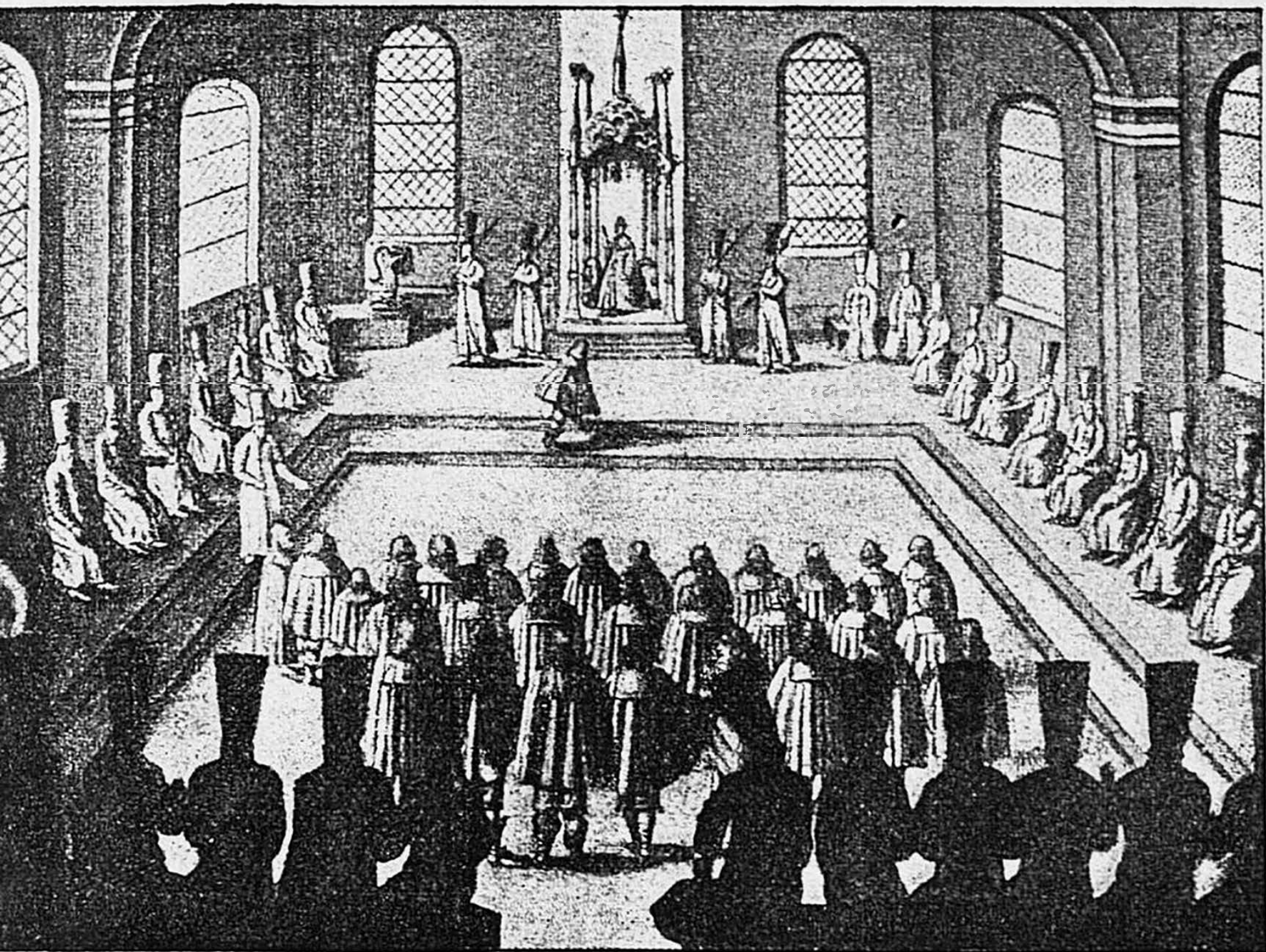
винкамъ. Во многихъ комнатахъ дворца по старинному въ мебель отличалась большой простотой: — столы, — разставленные по стѣнамъ скамейки — вотъ и все. — Но въ нѣкоторыхъ покояхъ тамъ и сямъ между скамьями въ видѣ оконныхъ рѣдкихъ гостей стояли новинки: стулья и кресла серебряные, золоченые, обитые бархатомъ. Стѣны многихъ покоевъ были украшены разными картинами. Тутъ висѣли «парсуны» или портреты, различныя сцены изъ библіи и исторіи. Прогуливаясь по дворцовымъ хоромамъ, можно было увидѣть на стѣнахъ «Паденіе Іерусалима», «Исторію Іосифа во Египтѣ», Владиміра Святого, окруженнаго своими сыновьями, и Владиміра Мономаха, принимающаго дары отъ греческаго царя Константина; далѣе различныя сцены изъ жизни, какъ на примѣръ, изображеніе неправеднаго судьи, принимающаго взятки: ему подносятъ кубокъ и мѣшокъ съ серебромъ, а внизу нарисованъ адъ ликующими чертями, которые тащатъ въ огонь душу грѣшника. Подъ картиной подпись: горе судіямъ неправеднымъ. Наконецъ, въ самыхъ дальнихъ уголкахъ комнатъ пріоткрылись и еще болѣе неслыханныя новинки: висячія зеркала, сдѣланныя на манеръ кіотокъ. Русскіе люди того времени и царь Алексѣй Михайловичъ въ томъ числѣ соблазнялись уже искушеніемъ имѣть у себя эту неслыханную новинку, но вѣшали зеркала въ самыхъ укромныхъ углахъ, и задергивали ихъ тафтою, какъ бы стыдясь своего искушенія. Между зеркаль и оконъ, довершивъ убранство дворца, качались въ клѣткахъ болтливые попугаи. Въ одномъ изъ дворцовыхъ покоевъ собиралась «Боярская Дума» разсуждать вмѣстѣ съ царемъ о дѣлахъ государственныхъ. Бояре разсаживались на лавкахъ по чинамъ и по породѣ. По сторонамъ стояли думные дьяки или секретари и писаря; у каждаго за ухомъ — гусиное перо, на груди болтается привѣшенная за шнуръ чернильница.

Въ неприсутственные дни «сидѣнье съ бояры» замѣнялись торжественными приѣмами иностранныхъ пословъ или епископа духовенства съ патріархомъ во главѣ, приносившемъ Государю праздничныя поздравленія. Иностранныхъ пословъ всегда старались принимать съ особенною пышностью. — Ихъ умышленно хотѣли поразить богатствомъ русской страны, многочисленностью русскаго войска. По случаю ихъ встрѣчали и принимали съ возможно большимъ пышностью. Приѣздъ посла всегда сулилъ народу любопытствъ и красивыя зрѣлища. Вотъ какъ рассказываетъ о своемъ въѣздѣ въ Москву посолъ герцога Голштинскаго Якобъ Олеарій. 13 августа мы приѣхали въ послѣднее место передъ Москвой, отъ котораго оставалось 2 мили до Московской столицы. Здѣсь мы должны были остановиться, направивъ въ Москву гонца съ извѣщеніемъ о нашемъ прибытіи. Въ Москвѣ начались большія приготовленія. На другой день гонецъ вернулся, и мы выступили къ Москвѣ, подвигаясь медленно, такъ какъ на встрѣчу изъ Москвы одинъ за другимъ летѣли гонцы съ приказаніями замедлять, то ускорять путь. Скоро со стороны Москвы стали показываться цѣлыя толпы прекрасно одѣтыхъ всадниковъ, они быстро проносились мимо насъ на своихъ коняхъ и вдругъ, на всемъ скаку повернувъ лошадей, возвращались назадъ и также быстро исчезали вдали «въ облакахъ дорожной пыли». За четверть мили отъ Москвы пословъ ожидало цѣлое необозримое войско. Болѣе 4000 всадниковъ въ богатыхъ одеждахъ, на прекрасныхъ скакунахъ выстроены: были въ рядъ, черезъ который послы должны были совершать свое движеніе. — Наконецъ пословъ встрѣтили царскіе пристава, подвели имъ рослыхъ бѣлыхъ коней съ богатоубранными серебромъ и золотомъ наконечниками сѣдлами. — Но встрѣченные съ такою пышностью, послы скоро попадали въ положеніе плѣнниковъ. Ихъ до-

ставляли прямо въ Посольской Дворъ, который тотчас же окружался стражей. 12 часовыхъ стояли у воротъ. Послы сидѣли какъ бы подъ арестомъ. Ихъ никуда не пускали, и къ нимъ никто не могъ проникнуть. Но въ настаетъ день ихъ представленія государю. По Москвѣ большое народное движеніе. Съ ранняго утра отъ Посольскаго двора и до дворца всѣ улицы, всѣ дома усѣяны безчисленнымъ множествомъ народа. Всѣ хотятъ пострѣть посольскій въѣздъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть что пострѣть. Гремятъ пушки. Вотъ показались пристава новыхъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ. За ними идетъ шествіе. Несутъ всѣмъ на показъ подарки, которые послы поднесутъ царю при представленіи. — В серебряная конская сбруя, золотой крестъ на блюдѣ, большое зеркало въ рамѣ изъ чернаго дерева, украшенныя плотными литыми изъ серебра листьями и фигурами боевые часы, на которыхъ изображена въ подвижныхъ фигурахъ исторія блуднаго сына, вороной жеребецъ, покрытый прекрасной попоной и проч. въ томъ же родѣ. Двѣ тысячи стрѣльцовъ стоятъ рядами на пути пословъ. Дворцовый покой, приготовленный для пріема пословъ, убранъ съ особенною роскошью. Въ углу стоитъ тронъ подъ болдахиномъ, опирающимся на четыре вызолоченныя столба, увѣнчанные серебряными орлами съ распростертыми крыльями. Подлѣ самаго престола на рѣзной серебряной пирамидѣ стояла держава, величиной съ ядро, въ 48 фунтовъ вѣса, а по другую сторону — золотая лохань и рукомоиникъ съ полотенцемъ; надъ этой лоханью совершался обрядъ, приводившій въ большое смущеніе и удивленіе иностранцевъ.

Допустивъ пословъ къ цѣлованію руки, царь въ присутствіи многочисленнаго собранія, въ присутствіи самихъ пословъ мылъ въ названной лохани свои руки. Это бы

статокъ стариннаго взгляда на иностранца, какъ на чело-
вѣка «поганаго», нечистаго, прикосновеніе къ которому—
познать русскаго челоуѣка. Я уже замѣтилъ, что въ цар-
ствованіе Алексѣя Михайловича этотъ взглядъ началъ
исчезать у русскихъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ

Пріемъ пословъ.

ало-по-малу и лохань изъ дворцоваго пріемнаго покоя.
Та сказанномъ тронѣ въ коронѣ, въ великолѣпной одеждѣ
съ дорогими камнями и жемчугомъ, со скипетромъ въ
рукахъ, сидѣлъ царь московскій. У ступеней трона стояли
еще рынды, которыхъ мы видѣли на царскихъ вы-
ходахъ.

Представленіе пословъ состояло обыкновенно въ цѣлваніи царской руки, въ принесеніи царю подарковъ взаимномъ опросѣ о здоровьѣ.

Покончивъ съ дѣлами и торжественными церемоніямъ царь шель «къ столовому кушанію». Алексѣй Михайловичъ былъ необычайно воздержанъ въ пищѣ, былъ строгимъ постникомъ. Его обычный обѣдъ поражаетъ своею простотой и невзыскательностью. Это — простой крестьянскій обѣдъ. Ржаной хлѣбъ, овсяная брага, легкое пиво — вотъ и все. Но когда наступало время постовъ, царь совершалъ настоящія чудеса воздержательныхъ подвиговъ. Во время постовъ, по вторникамъ, четвергамъ и субботахъ царь ѣлъ только однажды въ день — сырую капусту, соленые грузди и ягоды все безъ масла, а по понедѣлникамъ, средамъ и пятницамъ совсѣмъ лишалъ себя пищи, не ѣлъ и не пилъ ничего. Тѣмъ не менѣе на царскій столъ ежедневно подавалось до 70 блюдъ. Все это рассылалось царемъ заслуженнымъ боярамъ въ видѣ особой милости.

Отъ простого обѣда отличались парадные, праздничные и посольскіе. Въ эти дни обѣдъ принималъ видъ блестящаго пира. Длинный столъ покрывался бѣлою скатертью, и весь устанавливался серебряной посудой. Тутъ были серебряныя солонки, блюда, медовыя чаши, серебряныя кружки. Часто посуда снабжалась затѣйливыми украшеніями и фигурами. Такъ, на царскій столъ ставились между прочимъ, — «нѣмка серебрянна золочена, а у нея въ рукахъ лохань; кубокъ золоченый, а на кубкѣ — колечикъ съ язычкомъ, а подъ кубкомъ змѣй со свистомъ, слонъ серебрянъ, а на немъ арабъ съ топоркомъ, на столѣ чердакъ, на чердакѣ мужикъ съ алебардой, три мужика съ пиками». — Между посудой возвышались въ разныхъ углахъ большого стола большія фигуры, сдѣланныя и

бста и студня: высокія башни, стѣны съ двуглавыми орлами наверху, или цѣлыя стаи гусей, курь, пѣтуховъ и индѣйскихъ...—Царь садится во главѣ стола; поодаль, на разстояніи вытянутой руки, садятся за столъ царскіе родственники, а потомъ бояре одинъ подъ другимъ, смотря по породѣ. Какъ войдутъ бояре въ трапезную палату, ейчасъ — шумъ, брань и волненія. Одинъ передъ другимъ войдутъ считаются породою и никакъ усѣсться по мѣстамъ не могутъ. Бросаются къ царю съ жалобами: одинъ просится сѣсть выше, другой не хочетъ сѣсть ниже. Совсѣмъ разбранятся, а недовольные, не спросясь царя, начнутъ по домамъ разѣзжаться. Разгнѣвается и царь, пошлетъ съ уѣхавшими приставовъ и начнутъ ихъ за столъ сажать насильно. А бояринъ начнетъ отбиваться, брыкаться и посадить себя не даетъ, и сосѣда своего безчеститъ и бранитъ.» А какъ посадятъ его насильно, и онъ на мѣстѣ не сидитъ и выбивается изъ стола вонъ. Сосѣди начнутъ говаривать строптиваго боярина, чтобы онъ царя не гнѣвалъ, а онъ кричитъ: «хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему не на своемъ мѣстѣ, ниже другихъ бояръ, не сидѣть», спустится подъ столъ, да и сидитъ подъ столомъ.—Такіе споры постоянно нарушали спокойствіе и тишину парадной царской трапезы.

Торжественнымъ обѣдомъ заканчивалась публичная часть царскаго дня. Послѣ обѣда царь или ѣхалъ на Дѣвичье поле «тѣшиться» соколиной охотой,—до которой онъ былъ страстный любитель, или засыпалъ часа на три до вечера. Вечеръ посвящался семейнымъ бесѣдамъ и развлечениямъ. Царь съ семействомъ собирались въ *Потѣшной палатѣ*. Здѣсь выступали новыя лица, которыя содержались во дворцѣ нарочно для царской потѣхи. На сцену являлся дуракъ, шутъ. Между шутами встрѣчались и настоящіе идіоты, которыми забавлялись въ древнія времена,

по грубости тогдашнихъ нравовъ, когда не гнушались забавляться человѣкомъ, какъ любопытнымъ звѣркомъ, когда еще не понимали, что безумный—больной человѣкъ, котораго слѣдуетъ лѣчить, а не выставять на-показъ для потѣхи. Впрочемъ, въ шуты нерѣдко попадали и умные люди, остряки, которые подъ видомъ шутокъ и дурачествъ, занимались порой обличеніемъ лжи и неправды.

Шумно и весело бывало въ царской Потѣшной палатѣ въ какой-нибудь длинный зимній вечеръ. Въ одномъ углу кувыркались акробаты, и показывали свою «смѣхотворную хитрость» шуты, шпыни, плясцы, скоморохи; въ другомъ показывали російскаго «Петрушку»; въ третьемъ раздавалась музыка, для чего въ Потѣшной палатѣ всегда были разставлены тогдашніе музыкальные инструменты: органы и цимбалы, родъ гуслей съ металлическими струнами, по которымъ ударяли деревянными молоточками. И музыка сопровождалась смѣшными прибаутками.

Приведу вамъ образчикъ смѣхотворнаго искусства, которымъ забавлялись тогдашніе русскіе люди. Вотъ является въ Потѣшную палату шутъ и объявляетъ, что онъ — женихъ, что невѣста у него богатая-пребогатая, даютъ за ней въ приданое: «8 дворовъ крестьянскихъ, промежь Лебедяни, на старой Рязани, не доѣзжая Казани, гдѣ пьяныхъ вязали, межъ неба и земли, поверхъ лѣсу и воды, да 8 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ 1½ человѣка съ четвертью, 4 человѣка въ бѣгахъ, да два человѣка въ *бѣдахъ*, а хоромнаго строенія: два столба вбито въ землю, третьимъ покрыто. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякій годъ насыпного хлѣба 8 амбаровъ безъ заднихъ стѣнъ, да 4 пуда каменнаго масла. Да въ тѣхъ же дворахъ сдѣлана конюшня, а въ ней 4 журавля стоялыхъ, одинъ конь гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ, передомъ сѣчетъ, а задомъ волочетъ. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякій годъ

запасу по 40 шестовъ собачьихъ хвостовъ, да по 40 кашушекъ соленыхъ лягушекъ. И всего приданаго будетъ на 300 пусто, на 500—ни кола. А у записи приданаго сидѣли Еремей да женихъ Тимофѣй, котъ да кошка, да попъ Тимошка, да сторожъ Филимошка. А запись писали въ сѣрую субботу, въ рябой четвертокъ, въ соловую пятницу. Тому честь и слава, а слушальщикамъ коровой сала!»

Впрочемъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ эти вечернія потѣхи во дворцовыхъ хоромахъ дѣлались все степеннѣе и серьезнѣе. — Шутовъ и скомороховъ смѣнили *бахари* и *домраччи*, т. е. пѣвцы и рассказчики народныхъ былинъ и сказаній. — Наконецъ при царѣ Алексѣѣ появилась на Москвѣ и совсѣмъ новая «потѣха», *театръ* на иноземный образецъ, на которомъ представляли разныя пьесы.

Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, царь опять шель въ Крестовую и также, какъ и утромъ, молился около $\frac{1}{4}$ часа. Когда царь засыпалъ, у дверей его спальни становились истопники, а въ сосѣднихъ комнатахъ дежурили жильцы, «оберегая государево здоровье».

Ночной сторожъ на дозорѣ.

Засыпала въ это время и вся Москва. Выходили въ свой дозоръ ночные сторожа, по улицамъ разставляли рогатки, чтобы не пропускать воровскихъ и буйныхъ людей, по Москвѣ пускались въ объѣздъ «объѣзжіе головы» дозоромъ смотрѣть, нѣтъ ли гдѣ драки и ночного буйства, не горитъ ли въ какомъ домѣ огонь, и не топятся ли бани,—это строго запрещалось въ ночное время во избѣжаніе пожаровъ. Много дѣла объѣзжимъ головамъ для охраненія мирно спавшихъ гражданъ. То-и-дѣло встрѣчаютъ они шумныя толпы воровскихъ людей съ дубьемъ и плетями.—Но всѣ трудящіеся и мирные обыватели спятъ ко сну. Дома заперты, огни погашены. Москва спитъ. Оставимъ же и мы древнюю Москву и пожелаемъ москвичамъ покойной ночи.

